

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ

Отечественная война 1812 года продолжалась всего несколько месяцев, а последовавшие за нею Заграничные походы русской армии – менее полутора лет, но эти события сильно повлияли на общественные настроения и навсегда остались в народной памяти¹. И хотя историки до сих пор ведут дискуссии о целях вторжения Наполеона², нет сомнения в том, что Россия вела с ним борьбу за выживание и за сохранение страны как таковой. По словам А. де Коленкура, Наполеон утверждал: «Я пришел, чтобы раз навсегда покончить с колоссом северных варваров»³. Война вызвала беспрецедентное сплочение власти, дворянства и народа. Ее судьбоносный характер признавали представители различных поколений и течений русской общественной мысли. В набросках Н.М. Карамзина к задуманной им истории событий 1812 г. есть несколько загадочная фраза: «Наполеон не хотел войны с нами так скоро, хотя и готовил нашу гибель»⁴. По словам В.Г. Белинского, «двенадцатый год по своим последствиям был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого»⁵. Как бы продолжая его мысль, А.Н. Пыпин отмечал, что со времен Петра I «не было войны, которая бы так сильно повлияла на национальное сознание»⁶.

В российской прессе в годы, предшествовавшие войне, Наполеона то хвалили, то ругали, то снова хвалили⁷. Страна была наполнена слухами, часто совершенно фантастическими. Борьба с ними возлагалась на высшую полицию, учрежденную в Петербурге в 1805 г. и наблюдавшую за состоянием умов. Как писал В.Н. Бочкарев, «всякие политические толки о событиях строго преследовались; приходилось говорить о них на ухо и то только в интимном кругу»⁸. Однако в 1809 г. в Петербурге «праздными людьми» велись разговоры о том, будет ли русскими войсками одержана победа, появится ли в Балтийском море неприятельский флот⁹. Несколько позднее, в 1810 г. и гр. Ф.В. Ростопчин, один из видных консерваторов того времени, получил негласное поручение составить записку о положении в Москве. В ней он указывал, что страна находится чуть ли не накануне революции, поскольку «трудное положение России, продолжительные войны, и паче всего пример французской революции производят в благонамеренных уныние, в глупых – равнодушие, а в прочих – вольнодумство»¹⁰. Слухи о неизбежности войны с Францией особенно усилились в начале 1812 г., когда Наполеон начал мобилизацию Великой армии¹¹. Сведения о приготовлениях французов нередко приходили из-за границы. 24 февраля 1812 г. главнокомандующий Молдавской армией гр. М.И. Кутузов доносил гр. Н.П. Румянцеву о содержании депеши турецкого поверенного в Вене, сообщавшего в Константинополь о том, что «война между Францией и Россией не только неминуема, но что она в скором времени должна открыться», так как «войска французские в полном движении и обозы переправлены уже чрез Рейн»¹². 26 марта Кутузов писал канцлеру о распространении французским консулом в Бухаресте Леду среди местных валахских бояр слухов о предстоящей войне между Францией и Россией. По мнению Кутузова, это делалось для того, чтобы помешать заключению мира между Россией и Турцией¹³.

Сведения о военных приготовлениях довольно часто поступали и от значительно усилившейся в то время русской разведки, специально следившей за действиями Наполеона¹⁴. Как отмечают исследователи, 1811 год российское командование провело в лихорадочных приготовлениях к войне¹⁵. В западных губерниях велось наблюдение

* Гросул Владислав Якимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

за политическими настроениями жителей приграничных районов¹⁶. Один из таких разведчиков, служивший на западе России барон П.Ф. Розен, в ноябре 1811 г. заключал, «что по всему вероятно война между Россией и Францией неизбежна, хотя Наполеон и не желал оной и всячески старался отворить ее»¹⁷.

В этих условиях Александру I, пожалуй, больше чем когда-либо приходилось считаться с общественным мнением и прежде всего с представителями консервативной части общества, к которой принадлежало тогда большинство генералов и офицеров. Отправив в отставку М.М. Сперанского, царь хотел разрядить недовольство в обществе, и это ему удалось. Когда в день опалы Сперанского К.В. Нессельроде, поддерживавший с ним хорошие отношения, выразил глубокое сожаление о том, что император лишился преданного, верного и ревностного слуги, Александр I ответил: «Ты прав, но именно теперешние обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнению»¹⁸. Из тех же соображений государственным секретарем был назначен один из столпов консервативной «партии» – А.С. Шишков, ставший, по словам Д.А. Жарина, посредником между монархом и народом¹⁹.

Отставка Сперанского вызвала восторг в кругах консервативного дворянства и подняла в его глазах авторитет царя²⁰. Как вспоминал Ф.Ф. Вигель, «разве только смерть лютого тирана могла бы произвести такую всеобщую радость»²¹. Впоследствии именно консервативная печать (и, в частности, «Русский вестник» С.Н. Глинки) особенно горячо поддерживала правительство во время войны²². Слухи по поводу отставки Сперанского и его сотрудников были разнообразны и многочисленны. Находившийся тогда в Петербурге молодой адъютант кн. П.М. Волконского Н.Д. Дурново 19 марта 1812 г. записал в дневнике: «Сперанский, государственный секретарь, Магницкий и Воейков, флигель-адъютант, были арестованы за то, что имели переписку с Францией. Это наделало много шума в городе»²³. Лишь немногие были недовольны ссылкой одного из самых светлых умов страны, удаление которого, по мнению историков, даже стало ударом по государственным финансам²⁴. В их числе были Н.С. Мордвинов и М.Б. Барклай де Толли, правителем секретной канцелярии которого являлся А.В. Воейков (в будущем – генерал и герой Бородинского сражения, тогда тесно сотрудничавший со Сперанским при подготовке преобразований).

Навстречу общественному мнению Александр I пошел и при назначении главнокомандующим действующими армиями Кутузова. По мере отступления русской армии на восток возрастал ропот против командовавшего 1-й Западной армией Барклая де Толли²⁵. «Принятый нами план кампании, – писал ему Александр I 24 ноября 1812 г., – по нашему мнению, единственный, который мог еще иметь успех против такого врага, как Наполеон..., неизбежно должен был, однако, встретить много порицаний и несоответственной оценки в народе»²⁶. Император явно был вынужден с повышенным вниманием следить за настроениями народа, а также высших офицерских кругов²⁷. В целом, отношение общества к Барклаю было несправедливым. Еще митрополит Филарет (Дроздов) высоко оценил заслуги этого «вождя, который понес на главе своей неизбежные неприятности, можно сказать, новой для российских воинов войны оборонительной и отступательной и тяжесть народного мнения»²⁸. Но, как отметил Ф.Н. Глинка, «мудрая воздержанность Барклая де Толли не могла быть оценена в то время»²⁹. Только в 1830-е гг. в защиту Барклая выступил К.А. Полевой, а затем и А.С. Пушкин, посвятивший ему стихотворение «Полководец»³⁰.

В августе 1812 г. Александр I, несмотря на неприязнь к Кутузову, вынужден был уступить общему мнению. «Публика желала его назначения, я его назначил, – заявил он своему генерал-адъютанту Е.Ф. Комаровскому. – Что же касается меня, то я умываю руки»³¹. «В Петербурге я нашел умы всех за назначение старого Кутузова в главнокомандующие, – 12 сентября писал Александр I вел. кн. Екатерине Павловне. – То было общее требование. Зная этого человека, я сначала не желал этого, но когда письмом от 5 августа Ростопчин засвидетельствовал мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал, так как Барклай и Багратион к этому неспособны, я не мог поступить иначе, как выбрать из трех генералов, одинаково мало способных быть главнокомандую-

щими, того, на которого указывал общий голос»³². Действительно, 6 августа 1812 г. Ростопчин писал императору: «Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двинул Ваши войска... Я в отчаянии, что должен послать Вам это донесение, но его требуют от меня моя честь и присяга»³³. Назначение Кутузова поддержал также А.А. Аракчеев, впоследствии защищавший его и в трудные сентябрьские дни³⁴.

Решение царя было встречено с большим энтузиазмом в широких кругах общества и народа³⁵. «Переезд Кутузова из С.-Петербурга к армии походил на какое-то торжественное шествие, – вспоминал Ф.Н. Глинка. – Предания того времени передают нам великую пиитическую повесть о беспредельном сочувствии, пробужденном в народе Высочайшим назначением Михаила Ларионовича в звание главноначальствующего армии»³⁶. После прибытия Кутузова в армию «у всех лица сделались светлее, и военные беседы вокруг огней радостнее»³⁷. Между тем в среде генералитета отношение к нему было неоднозначным, резко критически отзывались о нем кн. П.И. Багратион, М.А. Милорадович, Д.С. Дохтуров, Н.Н. Раевский³⁸. Стоило новому главнокомандующему продолжить отступление, как начал нарастать ропот в его адрес. Неудивительно, что решение дать генеральное сражение при Бородино было принято Кутузовым во многом под влиянием общественного мнения и морального состояния войск³⁹.

В разных социальных слоях в 1812 г. проявлялись различные настроения⁴⁰. Многие русские помещики опасались освобождения крепостных «французским Пугачевым» – Наполеоном⁴¹. Частные письма той поры свидетельствуют, что русские дворяне не так боялись французов, как собственных крестьян и дворовых. «Боятся, – писала 1 мая 1812 г., еще до начала войны, В.И. Бакунина, – что когда Наполеон приблизится к русским губерниям и объявит крестьян вольными, то может легко сделаться возмущение»⁴². В вооруженном народе нередко видели силу, способную пойти затем против самих душевладельцев. «Мы еще не знаем, как повернется русский народ», – говорил Ростопчин⁴³. В 1807 г. среди крестьян уже распространялись слухи о том, что приход Наполеона в Россию приведет их к освобождению от крепостной зависимости. В том же 1807 г. кучер надворного советника Тузова крестьянин Алексей Корнилов заявлял, будто Бонапарт потребовал от Александра I освободить в России всех крепостных людей, «иначе он и войны не прекратит». При Бонапарте, утверждал Корнилов, он будет служить Тузову за плату⁴⁴. Подобного рода слухи отмечались тогда в различных губерниях России. В апреле 1812 г. внимание московских властей привлекли дворовые люди П. Иванов и А. Медведев, толковавшие про то, как «скоро будут все вольны; помещики же будут на жалованье, и что скоро Москву возьмут французы»⁴⁵. В Москве некоторые крепостные действительно надеялись на то, что французы принесут им освобождение. «Наполеон при открытии войны с Россиею объявит свободу и уничтожение рабства в наших немецких провинциях», – сообщал в декабре 1811 г. П.Ф. Розен⁴⁶. Иностранные послы писали о тревожном настроении в обеих столицах России, где велись разговоры о подготовке революции и последующем изгнании царской семьи за исключением вел. кн. Екатерины Павловны, которую якобы собирались возвести на престол⁴⁷. Тревожные вести приходили и из провинции. Так, 9 июля 1812 г. симбирский гражданский губернатор сообщил в Министерство полиции о распространении почтальоном А. Александровым слухов об «объявленной в Санкт-Петербурге и Москве так называемой вольнице для помещичьих людей»⁴⁸. В конце августа орловский гражданский губернатор писал о заявлениях обер-фортмейстера Фантон-Веррайона, утверждавшего, что «Наполеон не перестанет на Россию нападать дотоле, пока не восстановит Польшу, а в России крестьянам вольность»⁴⁹. Тогда же нижегородский вице-губернатор извещал Министерство полиции о толках среди местных дворовых о скором освобождении их французами от помещиков⁵⁰. В Пензенской губернии во время войны были отмечены разговоры о несправедливости опалы Сперанского (многие помещичьи крестьяне заказывали даже молебны о его здравии и ставили свечи)⁵¹.

Вместе с тем, хотя крестьянских возмущений против помещиков в 1812 г. оказалось заметно больше, чем в предшествующие несколько лет, борьба крестьян с оккупантами была искренней и самоотверженной. Уже в первые дни войны русские крестья-

яне столкнулись с реквизициями, воровством и насилием со стороны наполеоновских солдат и офицеров⁵². Сопротивление не заставило себя ждать. Только на Смоленщине действовало до 40 крестьянских отрядов, насчитывавших в совокупности около 16 тыс. человек⁵³. Во время пребывания армии в Тарутинском лагере население окрестных сел всячески ей помогало. Осенью 1812 г. массы крестьян стали проситься в армию. «Равным образом не менее приятно мне свидетельствовать о подвигах наших крестьян, — писал Кутузов 2 октября главнокомандующему Дунайской армией П.В. Чичагову, — которые оказывают себя истинными сынами отечества и, невзирая на все ухищрения неприятеля, поражают его при всякой встрече»⁵⁴. Спустя три недели Кутузов направил Александру I специальную реляцию, в которой сообщал о патриотических подвигах крестьян Калужской и Московской губерний⁵⁵. Крестьяне участвовали и в сборе денежных пожертвований, хотя, естественно, наиболее крупные пожертвования вносили представители русского купечества. Многие купцы жертвовали по 20, 30 и даже 50 тыс. рублей⁵⁶.

По-своему влияло на настроения в стране и православное духовенство, призывавшее к защите веры, царя и отечества. Во всех храмах читалось воззвание Святейшего Синода и произносились проповеди патриотического содержания⁵⁷. Не менее важную роль играли священнослужители и в составе Действующей армии. Известно более 200 священников, участвовавших в Отечественной войне и заграничных походах⁵⁸. Хотя часть духовенства на оккупированных территориях вынуждена была сотрудничать с французами⁵⁹, в ряде случаев дьячки, пономари и даже священники вступали в отряды самообороны или же сами их возглавляли⁶⁰.

На всем протяжении XIX столетия трудно найти такой пример национального единения, какое наблюдалось в 1812 г. Но и тогда в обществе неоднократно происходила резкая смена настроений⁶¹. В июле 1812 г. Александра I с особым энтузиазмом встречали в Москве⁶². 18 июля царь подписал там манифест, призвав подданных дать отпор врагу: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина!»⁶³. Когда после отъезда императора из первопрестольной «бывший студент Урусов, “не пьяный” в трактире стал доказывать, что приход Наполеона в Москву возможен и послужит к общему благополучию», то «в трактире он был избит, а после взят полицией»⁶⁴. В целом в России господствовали чувства ненависти к врагу, которые порою переносились на всех французов и даже на всех европейцев⁶⁵. Сторонники решительной борьбы с Наполеоном преобладали в 1812 г. и среди дворян Малороссии. К их числу принадлежали, в частности, известный поэт и драматург, друг Г.Р. Державина, В.В. Капнист и его брат П.В. Капнист. Однако их брат Н.В. Капнист на вопрос о том, что он будет делать, если Наполеон двинется в Малороссию, ответил: «Я сам пойду к нему навстречу с хлебом и солью, к этому умному человеку». Образ Смердякова, созданный Ф.М. Достоевским значительно позднее, явно имел прототипы. Впрочем, по свидетельству С.В. Капнист-Скалон, подобные мнения на Украине разделяли лишь единицы⁶⁶. 8 октября Кутузов, официально обращаясь к слободско-украинскому губернскому предводителю дворянства А.Ф. Квитке, отметил: «Я со своей стороны справедливо должен сказать, что отечество будет признательно слободско-украинскому дворянству за усердные напряжения в защите ононого»⁶⁷. 9 октября аналогичное послание было направлено полтавскому губернскому предводителю дворянства Д.П. Трошинскому⁶⁸. Только в западных губерниях империи, где сохранялось влияние польского дворянства, отношение к войскам Наполеона было довольно благожелательным, а победы Великой армии торжественно отмечали⁶⁹. Но даже здесь не все было однозначно. Коленкур вспоминал о жалобах Наполеона на жителей Литвы и Волыни, которые «забыли, что они родились поляками и сделались русскими»⁷⁰.

Бородинское сражение вошло в народное сознание как победа⁷¹. По словам А.П. Ермолова, в этот день «французская армия расшиблась об русскую»⁷². Метко охарактеризовал битву Ф.Н. Глинка: «Русские устояли!»⁷³. Однако когда Москва была оставлена, в армии и обществе стали возмущаться и Кутузовым, и самим царем⁷⁴. В Петербурге,

по словам графини Эдлинг, «с минуты на минуту ждали волнения раздраженной и тревожной толпы»: «Дворянство громко винило Александра в государственном бедствии, так что в разговорах редко кто решался его извинять или оправдывать»⁷⁵. Вел. кн. Константин Павлович и вдовствующая императрица Мария Федоровна, категорическая противница Наполеона, настаивали теперь на заключении мира⁷⁶. 23 сентября вел. кн. Екатерина Павловна писала императору о большом недовольстве по отношению к нему лично за оставление Москвы⁷⁷. «Как можно было допустить до этого! ...Не хватило войска – позови народ! Все бы пошли», – негодовали москвичи, которых вынудили покинуть родной город⁷⁸. При этом, как сообщал своей матери генерал-лейтенант кн. Б.В. Голицын, «эвакуация Москвы, каковая могла бы совершиться без ущерба для кого бы то ни было, оказалась проведенной самым опустошительным образом для всех»⁷⁹. Ф.Н. Глинка сетовал о том, что из Москвы ее жителями вывозились предметы моды и роскоши, тогда как раненые солдаты падали от усталости⁸⁰. «Нельзя вообразить уныние и даже удивление, которое оно произвело во всем нашем войске, – вспоминал об оставлении Москвы кн. А.Г. Щербатов, – казалось, что древняя наша столица обесчещена и осквернена»⁸¹. Буквально за один день преклонение перед Кутузовым сменилось осуждением, войска перестали кричать «ура» при его появлении, участились дезертирство и мародерство, свидетельствовавшие о временном упадке морального духа солдат⁸². Впрочем, прибыв в распоряжение тарутинского лагеря, Ф.Н. Глинка сразу же отметил воодушевление располагавшихся там частей⁸³. «Ну, слава Богу, вся Россия в поход пошла», – сказал И.Д. Якушкину старый солдат вскоре после оставления Москвы⁸⁴.

В Тарутино армия готовилась наступать, но Кутузов предпочитал тактику «малой войны»⁸⁵. Поэтому чувствовалось некоторое несовпадение между желаниями армии и действиями главнокомандующего. Кутузову все труднее было противостоять общему стремлению перейти к решительным действиям, ему пришлось прислушаться к чаяниям войск и начать 6 октября наступление на французский авангард⁸⁶. Впрочем, и сам Кутузов был настроен непримиримо. Во время встречи с Ж.Б. Лористоном он отказался пойти на какое-либо соглашение, о чем вскоре стало широко известно. «Я буду проклят потомством, – полагал Кутузов, – если во мне будут видеть первопричину какого бы то ни было соглашения; потому что таково теперешнее настроение моего народа»⁸⁷.

Выход французов из Москвы вызвал облегчение в русском обществе. Но когда стало известно о движении Наполеона к Калуге, большая часть жителей покинула город, и их пришлось успокаивать. «Именем моим поручаю Вам успокоить купеческое и мещанское сословия, которые, как я слышал, пустыми слухами приведены в волнение и опасность», – писал Кутузов калужскому городскому голове И.В. Торубаеву 16 октября⁸⁸. Жители сел и городов с радостью встречали преследовавшие неприятеля войска⁸⁹. Вместе с тем в специальных прокламациях расписывались зверства наполеоновских солдат и особенно разрушение Москвы: «Одна Москва представляет нам плачевный образ неслыханных злодеяний»⁹⁰.

То, что Наполеон и часть его армии смогли избежать окружения на Березине, вызвало гнев в широких кругах русского общества. Обрушился он на адмирала Чичагова, которого обвиняли чуть ли не в измене. Его едко высмеивали И.А. Крылов и Г.Р. Державин. Общественное мнение России не щадило адмирала, еще недавно пользовавшегося особым расположением императора, и, в значительной степени, Чичагов разделил судьбу Барклая де Толли: «Адмирал сей в общем мнении на весьма невыгодном счете, – отмечал генерал А.М. Римский-Корсаков по случаю его прибытия в Вильну в конце 1812 г. – Сами военные простить ему не могут утечку Наполеона, и нет человека, ему доброжелательствующего»⁹¹. Оскорбленный и затравленный адмирал несколько раз подавал прошение об отставке, которой добился лишь в январе 1813 г. В 1814 г., сразу после разгрома Наполеона, Чичагов навсегда выехал за границу, где и умер в 1849 г.⁹²

Влияние общественного мнения сказалось и при выборе преемника скончавшегося 16(28) апреля Кутузова. П.Х. Витгенштейн был назначен главнокомандующим прежде всего благодаря своей репутации спасителя Петербурга и вопреки принципу старшинства (под его командой находилось несколько генералов, которые были старше его по чину)⁹³. Но он оказался не на высоте положения, с его именем связывали неудачи под Лютценом и Баутценом, и в результате армию вновь возглавил Барклай де Толли⁹⁴.

Русским войскам, оказавшимся за границей, приходилось налаживать отношения с местным населением. Пожалуй, сложнее всего они складывались на территории герцогства Варшавского, где еще недавно дворянство восторженно встречало Наполеона. Польские войска (5-й корпус Великой армии под командованием кн. Ю. Понятовского) приняли участие в походе в Россию и в 1813 г. продолжали сражаться на стороне французов. «Господа польские вообще привержены к французам, – отмечал Ф.Н. Глинка. – Крестьянам у них худо»⁹⁵. 27 декабря 1812 г. Кутузов подписал обращение к властям и населению герцогства, призывая, «чтоб каждый остался на своем месте и при своей должности, не опасаясь ни лично для себя, ни для своего имения ни малейшей обиды». Всем воинским начальникам русской армией при этом предписывалось оказывать местной администрации «нужную защиту и потребное пособие»⁹⁶. Через несколько дней, 1 января 1813 г., подобное же воззвание, но уже с предложением объединить усилия в борьбе против Наполеона, было направлено Кутузовым к жителям Пруссии⁹⁷.

В немецких землях русские войска в целом приняли хорошо. Немцы сами составляли и распространяли листовки с призывами оказывать русским всяческое содействие, а также выпустили множество портретов Кутузова, которого, как утверждал в личном письме к нему прусский генерал Б.Ф.Э. Тауенцин, «вся Европа считает своим освободителем»⁹⁸. «Вообразить нельзя, как мы приняты в Пруссии, – писал Кутузов своей супруге 10 января. – Никогда ни прусского короля, ни его войска так не принимали»⁹⁹. Подтвердились наблюдения П.Ф. Розена, побывавшего в конце 1811 г. в Пруссии и сообщавшего о симпатиях местного населения к России и желании пруссаков соединиться после начала войны с русской армией¹⁰⁰. Теплый прием встретили русские в Силезии и Саксонии. «Уважать русских здесь также в порядке вещей, – констатировал в Силезии Ф.Н. Глинка. – Извозчик, который нас вез, гордился тем, что часто возит наших офицеров. Русский мундир и русская ассигнация здесь в большой цене»¹⁰¹. «Наши русские беспрестанно женятся в Саксонии.., – отмечал он. – Богатые саксонки выходят за бедных офицеров. Они не жадуют ни генеральства, ни денег, а желают, чтоб человек был умен, добр и русский»¹⁰². Глинке казалось, что «немцы очень любят русских»¹⁰³, которые, кстати, спасли от огня французов Веймар – город Гете, Шиллера и Виланда¹⁰⁴. В то же время «Вестник Европы» публиковал материалы о немецких патриотах и воззвание прусского короля¹⁰⁵.

Довольно благожелательно относились к русской армии и во Франции. По словам молодого генерала-майора гр. М.Ф. Орлова, первым вступившего в Париж, русские пользовались большей симпатией населения, нежели их союзники¹⁰⁶. Как выразился Ф.Н. Глинка, «русские покорили столицу Франции мужеством, а удивили ее великодушием»¹⁰⁷. Со своей стороны, офицеры и солдаты впитывали общественные настроения зарубежных стран и уносили их с собою на родину. Гордость и радость победы органически сочетались со свежими впечатлениями и наблюдениями. Похожая ситуация уже имела место во время Семилетней войны, «когда чуть ли не все молодые русские дворяне, которыми была наполнена армия во всех чинах, побывали за границей, увидели там совершенно новую жизнь, более развитое общество, имели под руками обширную литературу, сделавшуюся им теперь доступною, и пользовались ею, узнали новые, лучшие способы хозяйства»¹⁰⁸.

1812 год вызвал в России подлинный духовный подъем и небывалое до тех пор национальное пробуждение¹⁰⁹. «Пробудилось общественное самосознание, – отмечал спустя столетие Д.А. Жаринов, – восстановилось согласие как между разными классами населения, так между правительством и обществом»¹¹⁰. 18 декабря 1812 г.

Ф.Н. Глинка записал в своем дневнике: «Эта война ознаменована какой-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели – из объятий независимости и муз, чтоб стать грудью за родной предел»¹¹¹. В этом единении большую роль играла журналистика и прежде всего столичные издания. По мнению Н.П. Сидорова, потрясение 1812 г. «возбудило интерес к политическим делам и вопросам, содействовало, между прочим, через журналистику зарождению публицистики, а вместе с нею и общественного мнения»¹¹². Усилению роли общественного мнения, естественно, способствовало то внимание, которое уделялось ему тогда представителями власти, рассчитывавшими на его поддержку в борьбе с неприятелем. Как раз во время войны начал выходить «Сын Отечества» Н.И. Греча. Первый номер нового журнала открывался статьей «Глас истины», написанной каким-то немецким автором, призывавшим оказывать сопротивление захватчику Наполеону¹¹³. Особенно горячо откликнулся на начавшуюся войну «Русский вестник» С.Н. Глинки, распространявшийся не только в Москве, но и в других городах и даже в сельской местности¹¹⁴. С июля 1812 г. стал публиковать патриотические стихи, а затем и другие материалы о войне «Вестник Европы», ставивший своей главной задачей знакомство русского общества с зарубежными событиями¹¹⁵. Большой общественный резонанс вызвала поэма В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», воспевавшая подвиги предков и воодушевлявшая русских солдат и офицеров на новые победы¹¹⁶. Помимо литературы, на общественное мнение влияли также театр, живопись¹¹⁷, патриотические песни (их, в частности, писали Д.Н. Кашин, Ф.Н. Глинка, А.А. Алябьев, Д.С. Бортнянский и др.¹¹⁸). Любопытно, что центральной темой песенного фольклора стало не Бородино, а сожженная и разоренная Москва¹¹⁹. Особую роль играли различного рода листовки. Так, воззвание «Житель Москвы к своим соотечественникам. В октябре 1812 г.» первоначально было написано на немецком языке еще до ухода французской армии из Москвы¹²⁰. Затем в Москве оно было четыре раза издано по-русски, столько же – по-немецки, один раз – по-французски, известно даже издание на латышском языке¹²¹. Примером общенародного единения стали и похороны Кутузова. В России проститься с ним шли тысячи людей, нередко они распрягали траурную колесницу и везли ее сами или несли гроб на плечах. В Петербурге был организован военный парад. Упоминания о кончине и похоронах Кутузова можно найти во многих частных письмах¹²².

Победа над Наполеоном заметно укрепила авторитет Александра I. Однако когда по его приказу нескольких русских офицеров посадили на английскую гауптвахту, последовал взрыв возмущения среди военных¹²³. Пытаясь завоевать популярность в европейском общественном мнении, Александр I действовал довольно бесцеремонно по отношению к солдатам и офицерам собственной армии. При стычках и недоразумениях, возникавших между ними и парижанами, русский военный губернатор Парижа барон Ф.В. Остен-Сакен «всегда держал сторону французов»¹²⁴. Комендантом Парижа был назначен ранее состоявший на русской службе француз генерал-майор Л.П. Рошешуар, также постоянно поддерживавший своих соотечественников, что вызывало раздражение у россиян¹²⁵. В результате, уже во Франции в армии проявлялось недовольство, и, говоря о генезисе декабризма, следует учитывать не только влияние западных реалий и ценностей, но и настроения в русском экспедиционном корпусе, где зрела обида на свое униженное положение и преклонение перед Западом высшего начальства и самого императора.

Настроения армии передавались обществу и быстро разносились по разным городам и губерниям, где заграничные походы вызывали живейший интерес. «Когда возвратились наши войска из славного путешествия в Париж, каждый солдат принес запас воспоминаний, – отмечал Н.В. Гоголь в рецензии на “Походные письма” И.Т. Раджицкого. – Их рассказы все без исключения были занимательны; все наблюдаемо было свежими и любопытными чувствами; даже постой русского офицера на немецкой квартире составлял уже роман»¹²⁶. В.Ф. Раевский закончил свой боевой путь в герцогстве Варшавском, но под впечатлением от рассказов тех, кто побывал в Париже,

с упоением стал читать сочинения французских энциклопедистов¹²⁷. Тем временем охлаждение общества к императору усиливалось вследствие неблагоприятной экономической конъюнктуры, затяжного аграрного и торгового кризиса, резкого падения русского экспорта.

В момент победы правительство, по словам Н.И. Тургенева, всячески старалось показать, что «его симпатии на стороне здравомыслящей и просвещенной части населения»¹²⁸. Беседуя с лидерами вигов во время своей поездки в Англию в июне 1814 г., царь не только говорил о пользе честной и благонамеренной оппозиции, но и заявил, что позаботится о создании оппозиционного «очага» у себя в России. Меттерних не без иронии писал о том, что Александр I просил лорда Грея подготовить проект создания оппозиции в России¹²⁹. Император по-прежнему желал сотрудничать с общественным мнением страны и, в частности, дорожил тем, как его слова и действия будут восприняты в армии. Так, он гневно приказал Шишкову, чтобы в манифесте, который предполагалось обнародовать 30 августа 1814 г., воинство упоминалось перед дворянством¹³⁰. При этом современники отмечали, что Александр I проявлял демонстративное равнодушие к памяти о 1812 г. при подчеркнутом внимании к местам, связанным с кампаниями 1813–1814 гг.¹³¹ Однако 1 января 1816 г. он подписал «Манифест высокомонаршей признательности народу за оказанные в продолжение войны подвиги», выразив, по-видимому, искреннюю признательность своим подданным¹³². Победивший в войне народ выступал теперь носителем общественного мнения, с которым нельзя уже было не считаться¹³³. Неудивительно, что страна жила этой войной и много позднее. Как вспоминал А.Я. Булгаков, «всякий хотел быть историографом, всякий желал внести какое-нибудь событие или воспоминание в отечественные летописи»¹³⁴.

Примечания

¹ Об Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах как едином целом см.: *Подмазо А.А.* Отечественная война 1812 года и ее место в наполеоновских войнах // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 231–238.

² *Безотосный В.М.* Организация деятельности наполеоновских разведок в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. II. Труды ГИМ. Вып. 137. М., 2003. С. 59.

³ *Коленкур А.-О.* Русская кампания 1812 года. Мемуары французского дипломата. Смоленск, 2004. С. 115.

⁴ *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 160.

⁵ *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т. VII. М., 1955. С. 269.

⁶ *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908. С. 272.

⁷ *Сивков К.В.* Война и цензура // Отечественная война и русское общество. Т. V. М., 1912. С. 122.

⁸ *Бочкарев В.Н.* Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. Т. II. М., 1911. С. 204.

⁹ *Сивков К.В.* Указ. соч. С. 128.

¹⁰ Цит. по: *Жаринов Д.А.* Первые впечатления войны. Манифесты // Отечественная война и русское общество. Т. III. М., 1912. С. 171.

¹¹ *Безотосный В.М.* Организация... С. 60. *Подмазо А.А.* Большая европейская война 1812–1815. Хроника событий. М., 2003. С. 28. *Турусов В.П.* Великая армия в 1812 г.: организация и управление // Эпоха 1812 года... II. Труды ГИМ. Вып. 137. С. 42.

¹² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. М., 1952. С. 813.

¹³ Там же. С. 852–853.

¹⁴ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 55–56.

¹⁵ *Епанчин Ю.Л.* Субъективный фактор победы России в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. С. 115.

¹⁶ См.: ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 149, л. 1–43.

¹⁷ Там же, д. 99, л. 48.

¹⁸ *Семевский В.И.* Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. Т. II. С. 241.

- ¹⁹ *Жаринов Д.А.* Первые впечатления войны... С. 170–171, 174.
- ²⁰ *Безотосный В.М.* Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 года // Эпоха 1812 года... Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С. 9.
- ²¹ *Мельгунов С.П.* Император Александр I // Отечественная война и русское общество. Т. II. С. 140.
- ²² *Замотин И.И.* «Русский Вестник» Глинки // Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 130.
- ²³ 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 61.
- ²⁴ *Сивков К.В.* Финансы России перед войной 1812 года // Отечественная война и русское общество. Т. II. С. 269.
- ²⁵ *Безотосный В.М.* Борьба... С. 15–16.
- ²⁶ Цит. по: Там же. С. 15.
- ²⁷ Там же. С. 13.
- ²⁸ Цит. по: *Сидоров Н.П.* «Сын Отечества» // Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 144.
- ²⁹ *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1988. С. 285.
- ³⁰ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 195–196. Подробнее об этом выдающемся русском полководце см.: *Балаязин В.Н.* Фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1990; *Тотфалушин В.П.* М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1991; *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1999.
- ³¹ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. СПб., 1905. С. 98.
- ³² Там же. С. 129–130; Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87.
- ³³ Цит. по: *Кизеветтер А.А.* Ф.В. Ростопчин // он же. Исторические отклики. М., 1915. С. 149.
- ³⁴ *Томсинов В.А.* Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996. С. 167, 172.
- ³⁵ *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 160.
- ³⁶ *Глинка Ф.Н.* Указ. соч. С. 285.
- ³⁷ Там же. С. 15.
- ³⁸ *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 129–130.
- ³⁹ Там же. С. 134; *Епанчин Ю.Л.* Указ. соч. С. 118.
- ⁴⁰ *Попов А.И.* О характере войны 1812 года // Эпоха 1812 года... Труды ГИМ. Вып. 132. С. 229–246; *Жаринов Д.А.* Первые впечатления войны... С. 172.
- ⁴¹ *Земцов В.Н.* «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // Эпоха 1812 года... Труды ГИМ. Вып. 132. С. 250; *Жаринов Д.А.* Первые впечатления войны... С. 210.
- ⁴² *Кизеветтер А.А.* Ф.В. Ростопчин. С. 149. О колебаниях Наполеона относительно возможности освобождения русских крепостных крестьян, а также о выступлениях крестьян против своих помещиков см.: *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. С. 217–221.
- ⁴³ *Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895. С. 255.
- ⁴⁴ *Жаринов Д.А.* Первые войны с Наполеоном и русское общество // Отечественная война и русское общество. Т. I. М., 1912. С. 209.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 86, л. 2–2 об.
- ⁴⁶ Там же, д. 99, л. 68.
- ⁴⁷ *Жаринов Д.А.* Первые войны с Наполеоном... С. 212.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 88, л. 1–1 об.
- ⁴⁹ Там же, д. 89, л. 1.
- ⁵⁰ Там же, д. 90, л. 1–1 об.; *Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. Изд. 2. М., 1912. С. 33.
- ⁵¹ *Семевский В.И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 76.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. С. 233.
- ⁵⁴ *Кутузов М.И.* Письма, записки. М., 1989. С. 352.
- ⁵⁵ Там же. С. 384.
- ⁵⁶ *Берлин П.А.* Русское купечество и война 1812 года // Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 115.

- ⁵⁷ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 65, 68–77.
- ⁵⁸ Там же. С. 124, 236–261.
- ⁵⁹ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 215–216.
- ⁶⁰ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 110–112.
- ⁶¹ Жаринов Д.А. Первые впечатления войны... С. 170–189; Сивков К.В. Указ. соч. С. 121–129; Война и русская журналистика // Там же. С. 130–145; Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов... С. 160.
- ⁶² Вестник Европы. 1812. № 14. С. 152.
- ⁶³ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. М., 1962. С. 15.
- ⁶⁴ Сивков К.В. Указ. соч. С. 128.
- ⁶⁵ Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. Вып. 31. М., 1950. С. 222–244. Накануне вступления Наполеона в Москву С.Н. Глинка жег и рвал французские книги в богатых переплетах из своей прекрасной библиотеки, «истребляя у себя все предметы роскоши и моды». «Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против заразы французского воспитания, – отмечал его брат Ф.Н. Глинка, – простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России» (Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 22).
- ⁶⁶ Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990. С. 307. Схожие взгляды, по-видимому, выражал сосланный Кутузовым в Тамбов штабс-ротмистр 3-го украинского казачьего полка Булычев (ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 100, л. 41).
- ⁶⁷ Кутузов М.И. Указ. соч. С. 359.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 90.
- ⁷⁰ Коленкур А.-О. Указ. соч. С. 141–142.
- ⁷¹ Предтеченский А.В. Бородинский бой и русская общественность // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Л., 1938. № 19. Вып. 1. С. 101–110.
- ⁷² Цит. по: История СССР. Т. IV. М., 1967. С. 131. Впрочем, в своих мемуарах, отметив, что «в день битвы Бородинской российское воинство увенчало себя бессмертною славою», Ермолов писал о результате сражения более осторожно: «Неприятель одержал победу, не соответствующую его ожиданиям» (Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 197).
- ⁷³ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 21.
- ⁷⁴ Тартаковский А.Г. Переписка И.А. Яковлева с А.И. Михайловским-Данилевским // Литературное наследство. Т. 99. Кн. 1. М., 1997. С. 525. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 186.
- ⁷⁵ Цит. по: Жаринов Д.А. Пожар Москвы и русское общество. Впечатления от пожара и мнение современников // Отечественная война и русское общество. Т. IV. М., 1912. С. 156–157.
- ⁷⁶ ГА РФ, ф. 663, оп. 1, д. 123, л. 16; Нечаев С.Ю. Почему вице-адмирал Сенявин отказался помогать генералу Жюно, и чем это для него закончилось // Эпоха 1812 года... II. Труды ГИМ. Вып. 137. С. 20.
- ⁷⁷ Семевский В.И. Волнения крестьян в 1812 г. ... С. 82.
- ⁷⁸ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 187. Еще 20 августа Н.М. Карамзин писал И.И. Дмитриеву, что «готов умереть за Москву, если так угодно Богу» (Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. С. 179).
- ⁷⁹ Петерс Т.П. Письма об участии князя Б.В. Голицына в Отечественной войне 1812 г. // Эпоха 1812 года... II. Труды ГИМ. Вып. 137. С. 209.
- ⁸⁰ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 25.
- ⁸¹ Воспоминания князя А.Г. Щербатова (1812–1814) // Эпоха 1812 года... II. Труды ГИМ. Вып. 137. С. 224.
- ⁸² Епанчин Ю.Л. Указ. соч. С. 118.
- ⁸³ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 29.
- ⁸⁴ Якушкин И.Д. Записки. Статьи. Письма. М., 1951. С. 7.
- ⁸⁵ Бессонов В.А. Тарутино: подготовка к сражению 6 октября 1812 г. // Эпоха 1812 года... II. Труды ГИМ. Вып. 137. С. 101.
- ⁸⁶ Там же. С. 101, 125.
- ⁸⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 368.
- ⁸⁸ Кутузов М.И. Указ. соч. С. 368.

- ⁸⁹ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 35–36, 45; Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 122.
- ⁹⁰ Кутузов М.И. Указ. соч. С. 372. О восприятии в русском обществе действий французов в Москве см. также: Тартаковский А.Г. Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г.: к методике источниковедческого анализа // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973. С. 264–273.
- ⁹¹ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 400.
- ⁹² Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008. С. 344.
- ⁹³ Безотосный В.М. Борьба... С. 41.
- ⁹⁴ Там же. С. 42.
- ⁹⁵ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 157.
- ⁹⁶ Кутузов М.И. Указ. соч. С. 457.
- ⁹⁷ Там же. С. 458.
- ⁹⁸ Там же. С. 492.
- ⁹⁹ Там же. С. 466.
- ¹⁰⁰ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 99, л. 68, 79.
- ¹⁰¹ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 191.
- ¹⁰² Там же. С. 199.
- ¹⁰³ Там же. С. 213. Несколько иные впечатления Германия и немцы оставили у Н.М. Муравьева (*Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // он же. Революционное движение в России в XIX в. Избранные труды. М., 1985. С. 58*).
- ¹⁰⁴ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 208.
- ¹⁰⁵ Вестник Европы. 1813. № 1–2. С. 123–126; № 3–4. С. 287–290.
- ¹⁰⁶ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 13–27.
- ¹⁰⁷ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 245.
- ¹⁰⁸ Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. СПб., 1889. С. 55.
- ¹⁰⁹ Довнар-Запольский М.В. Война 1812 года и современное ей русское общество // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1912; Шуринов А.С. О духовном подвиге России в Отечественной войне 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. С. 415–424.
- ¹¹⁰ Жаринов Д.А. Пожар Москвы... С. 154.
- ¹¹¹ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 46.
- ¹¹² Сидоров Н.П. «Сын Отечества». С. 145.
- ¹¹³ Сын Отечества. 1812. № 1. С. 7–10; Подробнее о «Сыне Отечества» во время войны см.: Михайловская Н.М. Журнал «Сын Отечества» в период Отечественной войны и становления декабризма (1812–1818 гг.) // Ученые записки Удмуртского педагогического института. Вып. 9. Ижевск, 1956.
- ¹¹⁴ Замотин И.И. «Русский Вестник» Глинки. С. 130, 135.
- ¹¹⁵ Вестник Европы. 1812. № 13. С. 55–56.
- ¹¹⁶ Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб., 2009. С. 222.
- ¹¹⁷ Сидоров Н.П. Отголоски 12-го года в русской повести и романе // Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 146–158; он же. Отечественная война в русской лирике // Там же. С. 159–171; Каллаш В.В. Отечественная война в русской народной поэзии // Там же. С. 172–182; Бродский Н.П. Театр и драма в Отечественную войну // Там же. С. 183–191; Кузьминский К.С. Отечественная война в живописи // Там же. С. 192–198.
- ¹¹⁸ Алявдина Т.Т. Эпоха Отечественной войны 1812 года и русская музыка // Эпоха 1812 года... II. Труды ГИМ. Вып. 132. С. 156–159.
- ¹¹⁹ Там же. С. 152.
- ¹²⁰ Предтеченский А.В. Отражение... С. 224–229.
- ¹²¹ Денисенко Е.С. Воззвание «Житель Москвы к своим соотечественникам. В октябре 1812 года» и его предполагаемый автор // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. С. 111.
- ¹²² Кутузов М.И. Указ. соч. С. 526–527; Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов... С. 340–341.
- ¹²³ Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // он же. Исторические очерки. М., 1912. С. 306.
- ¹²⁴ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. III. С. 233.
- ¹²⁵ Там же. С. 233–234.

¹²⁶ Цит. по: *Тартаковский А.Г.* 1812 год... С. 170.

¹²⁷ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Иркутск, 1980. С. 9; Т. 2. Иркутск, 1983. С. 377.

¹²⁸ *Мельгунов С.П.* Правительство и общество после войны // Отечественная война и русское общество. Т. VII. М., 1912. С. 164.

¹²⁹ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. III. С. 249.

¹³⁰ Там же. С. 256.

¹³¹ *Тартаковский А.Г.* 1812 год... С. 184.

¹³² Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 318–319.

¹³³ *Предтеченский А.В.* Отражение... С. 243; *Рейснер М.А.* Идеология реакции // Отечественная война и русское общество. Т. VII. С. 51.

¹³⁴ Цит. по: *Тартаковский А.Г.* 1812 год... С. 170.

© 2012 г. А. А. ПОДМАЗО*

ЖИВОПИСНЫЙ ПАМЯТНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., несомненно, являются наиболее знаковыми событиями первой половины XIX в., которые на долгие годы изменили политическую карту Европы и предопределили дальнейшее развитие европейских народов. Владычество Наполеона, поработившего почти все народы Европы, было подорвано осенью 1812 г. в ходе его Русского похода, когда весь мир с удивлением увидел, как «величайший военный гений», считавшийся непобедимым, потерял за полгода полумиллионную армию. Победа над завоевателем, который одним движением руки создавал и уничтожал государства, по своей прихоти менял королей и решал судьбы народов, и которому никто в Европе не смел противоречить, поразила воображение современников и доныне волнует их потомков. Беспрецедентное мужество, героизм и стойкость, проявленные русским народом в борьбе с полчищами Наполеона в 1812 г., вызывают восхищение и спустя 200 лет. Российские войска сыграли решающую роль и в 1813–1814 гг. в ходе освобождения Европы.

События войны 1812–1814 гг. и ее победоносное завершение оказали огромное влияние на развитие российской национальной культуры. Отечественная война 1812 г., во время которой так ярко проявились патриотические чувства народа, стала катализатором переосмысления национальных традиций. Российское общество охватил небывалый ранее патриотический подъем – рост национальной гордости и самосознания русского народа выразился и в проявлении интереса к героическим страницам отечественной истории. С эпохой 1812 года также связаны развитие реалистичного направления в литературе и изобразительном искусстве и расцвет стиля ампира в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве.

Героическое самопожертвование всех сословий в 1812 г. и проявленные в ходе войны подвиги получили достойное отражение в поэзии, прозе, музыке, живописи, монументальном и декоративно-прикладном искусстве. Прекрасные стихи В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, грандиозная эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир», картины П. Гесса, Н. Самокиша, В. Верещагина, Ф. Рубо и многие другие литературные и художественные произведения воспевают

* **Подмазо Александр Александрович**, ответственный секретарь Общественного совета по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года.